

Подвиг веры в блокадном Ленинграде

Все дальше уходит от нас время Великой Отечественной войны, однако память о ней продолжает жить в сердцах людей. И хотя ежегодно появляются новые научные исследования о войне, остаются еще темы, недостаточно изученные историками. Религиозная жизнь блокированной с суши Северной столицы России составляет важную страницу ее истории. Не имея представления о ней, трудно понять, чем же держался город, ведь помощь извне была очень мала. До сих пор недостаточно освещено участие блокадного духовенства в укреплении духа защитников Ленинграда. Среди страха, голода, страданий измученной паствы священники православных храмов показывали примеры удивительной стойкости, христианского терпения и выдержки. Они поддерживали и ободряли прихожан, не давая погаснуть надежде на то, что не будет оставлен и побежден народ русский, что их соборная молитва окажется услышана и город выстоит. Именно вера являлась тем источником, откуда черпали силы многие защитники и жители города. Поведение духовенства и мирян блокадного Ленинграда можно назвать гражданским подвигом.

Жители блокадного Ленинграда набирают воду, появившуюся после артобстрела в пробойнах в асфальте на Невском проспекте. Декабрь 1941 г. Фото Б. П. Кудоярова (слева)

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и религиозными организациями в СССР были далеки от нормальных. В результате жестоких антицерковных гонений в одной из крупнейших епархий страны — Ленинградской — к лету 1941 года уцелел лишь 21 православный храм, отсутствовали монастыри, духовные учебные заведения. К тому же были еще не изжиты церковные расколы 1920-х годов. Большинство храмов относилось к Московскому Патриархату, Ленинградскую епархию возглавлял будущий патриарх митрополит Алексий (Симанский, † 1970). В самом городе и северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, в его ведении находились шесть храмов: Никольский кафедральный и Князь-Владимирский соборы, церкви Никольская Большеохтинская и Волковская кладбищенские, Дмитриевская Коломяжская и Спасо-Парголовская. Обновленцами были заняты Спасо-Преображенский собор, церковь преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище и Князь-Владимирская церковь в поселке Лисий Нос. Наконец, в городе оставался последний иосифлянский¹ храм — Свято-Троицкий в Лесном. Общее количество штатных православных священнослужителей в Ленинграде не превышало 25 человек; кроме того, было около 35 приписных, заштатных и тайных священников.

Начавшаяся 22 июня 1941 года война коренным образом изменила весь привычный уклад

жизни в стране. Не могло не измениться и положение Церкви, отношение к ней советского государства. Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Патриаршему Местоблюстителю Сергию (Страгородскому, † 1944), митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому, † 1970) и экзарху Украины митрополиту Николаю (Ярушевичу, † 1961) не препятствовали распространять свои патриотические

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский). 15 октября 1943 г.

*Митрополит
Ленинградский
и Новгородский
Алексий
(Симанский)
с ленинградцами.
Блокада, 1942 г.*

воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность Музея истории религии в Казанском соборе на Невском проспекте в Ленинграде.

С первых же дней войны духовенство Северной столицы посвятило себя защите Родины. Митрополит Алексий утром 22 июня служил Литургию в Неделю всех русских святых в Князь-Владимирском соборе. Вернувшись после службы в свою квартиру при Николо-Богоявленском соборе, владыка узнал о начале войны. Получив вскоре патриотическое послание Патриаршего Местоблюстителя от 22 июня, владыка Алексий сразу же сделал его достоянием православных жителей города. А 26 июля митрополит сам написал обращение к верующим и духовенству «Церковь зовет к защите Родины»².

По предложению митрополита Алексия уже с 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные денежные средства, порой очень значительные. Особенно активно проявлялось желание оказывать запрещенную с 1918 года благотворительную помощь. Всего к концу 1941 года патриотические взносы

в фонды Красного Креста, обороны и т. п. сделали все десять православных приходов Ленинграда на общую сумму 2 млн 144 тыс. рублей³.

С конца июня 1941 года в храмах стало заметно больше богомольцев: горожане приходили помолиться за своих близких. Существует много свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941 года. Перед лицом надвигавшейся великой беды у людей пропал страх подвергнуться репрессиям за посещение храмов и за проповедь Слова Божия. В сводках партийных информаторов и Ленинградского Управления НКВД осенью 1941 года сообщалось о широком распространении в городе анонимных писем религиозного содержания (путем рассылки)⁴.

Богослужения пришлось приспособить к военным условиям: утром они начинались в 8 часов, вечером — в 16, ведь молящимся нужно было успеть благополучно вернуться домой до наступления комендантского часа. Молодые церковнослужители ушли на фронт, в народное ополчение, на оборонное строительство. Оставшиеся изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и возглавляли соответствующие группы прихожан, созданные при каждом храме. Среди оборонных мероприятий важное значение

имела маскировка соборов, которые могли стать ориентирами и целями при воздушных налетах на город.

В сентябре 1941 года были разрушены или оказались на оккупированной территории шесть действующих православных церквей в южных пригородах Ленинграда. В частности, полностью была уничтожена Троицкая кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Также огнем немецкой артиллерии была полностью уничтожена Никольская кладбищенская церковь в городе Колпино, храм святых Адриана и Наталии в Старо-Паново, церковь Преображения Господня в городе Урицке (Лигово), серьезно пострадал и Князь-Владимирский храм в поселке Усть-Ижора. Уцелела лишь одна из действовавших в южных пригородах церквей — Знаменская, в городе Пушкине, она оказалась на оккупированной территории, и богослужения в ней продолжались до лета 1942 года. К концу сентября немецкие войска под Ленинградом были остановлены; в город войти они не смогли.

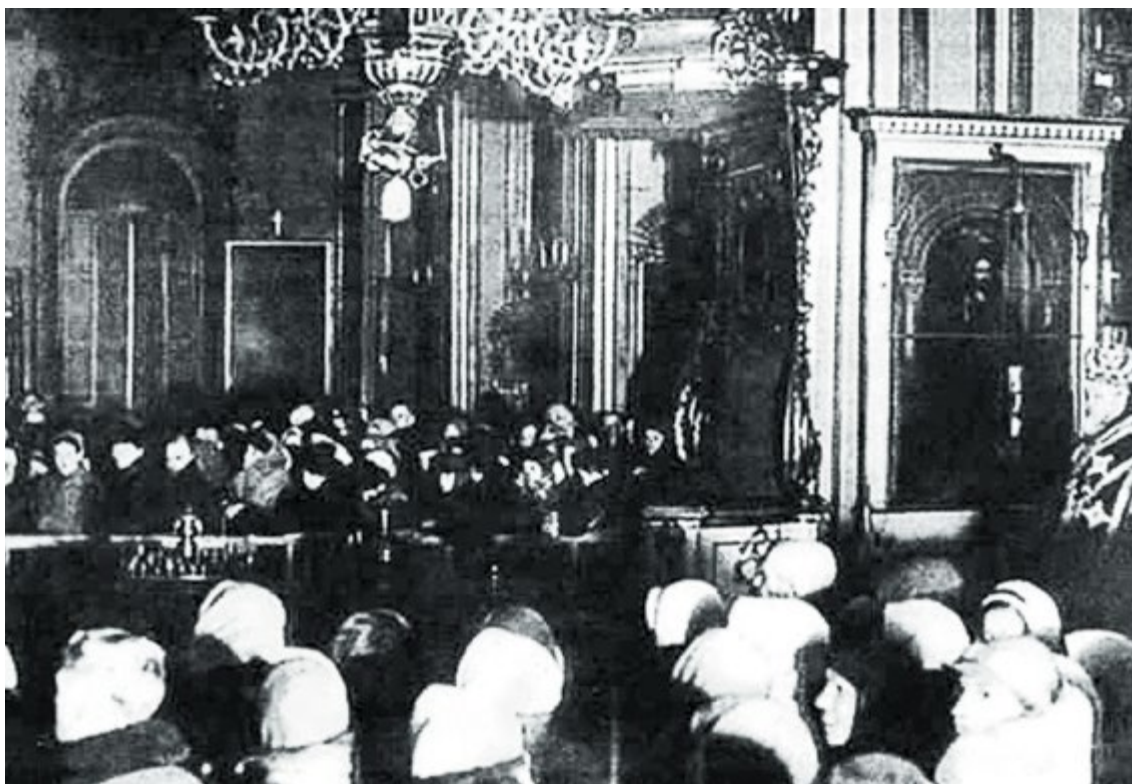
Даже в самую страшную блокадную зиму 1941–1942 годов в храмах продолжались богослужения, что давало горожанам духовное утешение и поддержку. Так, согласно сохранившемуся в архиве расписанию богослужений в Николо-Богоявленском соборе за декабрь 1941 года, службы проходили ежедневно утром и вечером⁵. Тысячи людей со слезами раскаяния обращались к Господу и принимали крещение. Среди умиравших от голода было много тех, кто перед смертью вспоминал слова Евангелия и призывал имя Господне.

Верующими были многие известные деятели культуры и науки Северной столицы: скончавшиеся в период блокады художник и иконописец Иван Билибин, известный физиолог академик А. А. Ухтомский (принявший тайный монашеский постриг с именем Алипий), эвакуированная в Среднюю Азию поэтесса Анна Ахматова, «муза» и голос блокадного города поэтесса Ольга Берггольц и другие. В настоящее время в Музее обороны и блокады Ленинграда хранится уникальный экспонат — деревянная

*Ленинград
зимой 1942 г.
Фото Б. В. Уткина.
ЦГАКФД*

Пасхальное богослужение в Николо-Богоявленском соборе. Ленинград. 1942 г.

формочка для пасхального кулича, принадлежавшая О. Берггольц.

Богослужения проходили при переполненных храмах. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и упокоении. Литургию вопреки церковным канонам нередко служили так же, как это делали священники-заключенные в лагерях, — на ржаной просфоре. Вместо вина порой использовался свекольный сок. При этом городские власти со временем стали выделять приходам минимальное количество вина и муки для причащения богомольцев, так как в блокированном городе эти продукты было невозможно купить. В самый разгар страшной голодной зимы с 29 декабря 1941 года по 3 января 1942 года семи православным общинам города были впервые выделены в общей сложности 85 кг муки и 100 бутылок (75 литров) вина⁶. Следующая выдача состоялась через полтора месяца — 17–23 февраля 1942 года, когда общинам передали 160 кг муки и 150 бутылок вина. Конечно, выделяемых продуктов хватало лишь для удовлетворения минимальных богослужебных потребностей. Так, согласно свидетельству прихожан, в мае 1942 года в Никольской Большеохтинской церкви просфоры были размером с пятикопеечную монету, а вина выделялось не более двух столовых ложек на

службу⁷. С февраля 1942 года выдача продуктов для богослужений стала ежемесячной. Размер ее на протяжении двух лет почти не менялся.

Помимо предоставления продуктов для богослужений городские власти сделали и ряд других уступок верующим. Общинам Никольского и Спасо-Преображенского соборов был предоставлен воск для изготовления свечей. Известный ученый-музыковед Н. Д. Успенский, ставший в феврале 1942 года регентом в Никольском соборе и создавший новый хор, сумел добиться выдачи певчим не только хлебных, но и других продуктовых карточек.

При этом голод не щадил священнослужителей. Всего в блокадном городе умерло, считая заштатных и приписных, 18 православных священников, то есть каждый третий. Только в Князь-Владимирском соборе в конце 1941 — 1942 году умерло восемь служащих и членов клира, в том числе два приписных священника, в Спасо-Преображенском соборе — три штатных священнослужителя, в Николо-Богоявленском соборе — протодиакон, три приписных протоиерея... Из 34 певчих к февралю 1942 года в хоре Николо-Богоявленского собора осталось три человека. Главный регент В. Кожин в состоянии дистрофии второй степени в июне был эвакуирован из города⁸.

В Спасо-Преображенском соборе зиму 1941/42 года из 100 соборных певчих пережили лишь 20. Первыми от голода погибали мужчины, в их числе и помощник регента И. В. Лебедев. Двадцать восьмого декабря он писал: «Я, можно сказать, понемногу умираю. Силы мои подорвались. Я сейчас лежу. Одни кожа и кости. Сидим несколько дней на одном хлебе. Конечно, все теперь так существуют, но хочется жить... Со мной вместе голодает жена, дочь и девятилетний внук, отец которого на фронте. Нет ни продуктов, ни денег. Спасите жизнь». Лебедеву было выдано 300 рублей, но спасти его не удалось. К лету 1942 года умерли председатель приходского совета Е. Д. Балашева и 10 церковнослужителей⁹.

Жизнь священников не отличалась от судьбы их паствы в блокированном городе. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Нуждающимся оказывали материальную помощь, и это многим спасало жизнь. Содействие прихожанам оказывали общины Николо-Богоявленского и Спасо-Преображенского соборов. Помощь общины собора помогла выжить и некоторым жителям соседних домов, в том числе детям. Так, в воспоминаниях блокадницы Валентины Щетининой говорилось: «Мы жили тогда у бабушки на Литейном, в двух шагах от храма. Он не закрывался во время войны. А умирали тогда люди часто, панихиды батюшки по несколько раз в день служили. Вот и бегали мы, дети, в храм за кутьей. Она, я думаю, и спасла меня от голодной смерти. Пусть помаленьку, но поддерживала жизненные силы». Среди нашедших в бомбоубежище Спасо-Преображенского собора защиту и временный приют была и семья будущего лауреата Нобелевской премии поэта Иосифа Бродского. Ему тогда исполнился год, и родители укладывали младенца спать в свечном ящике¹⁰.

К весне 1942 года из шести членов предвоенного клира в Спасо-Преображенском соборе осталось лишь двое: протоиерей Павел Фруктовский († 1954) и протодиакон Лев Егоровский († 1952). Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон Лев — за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они продолжали

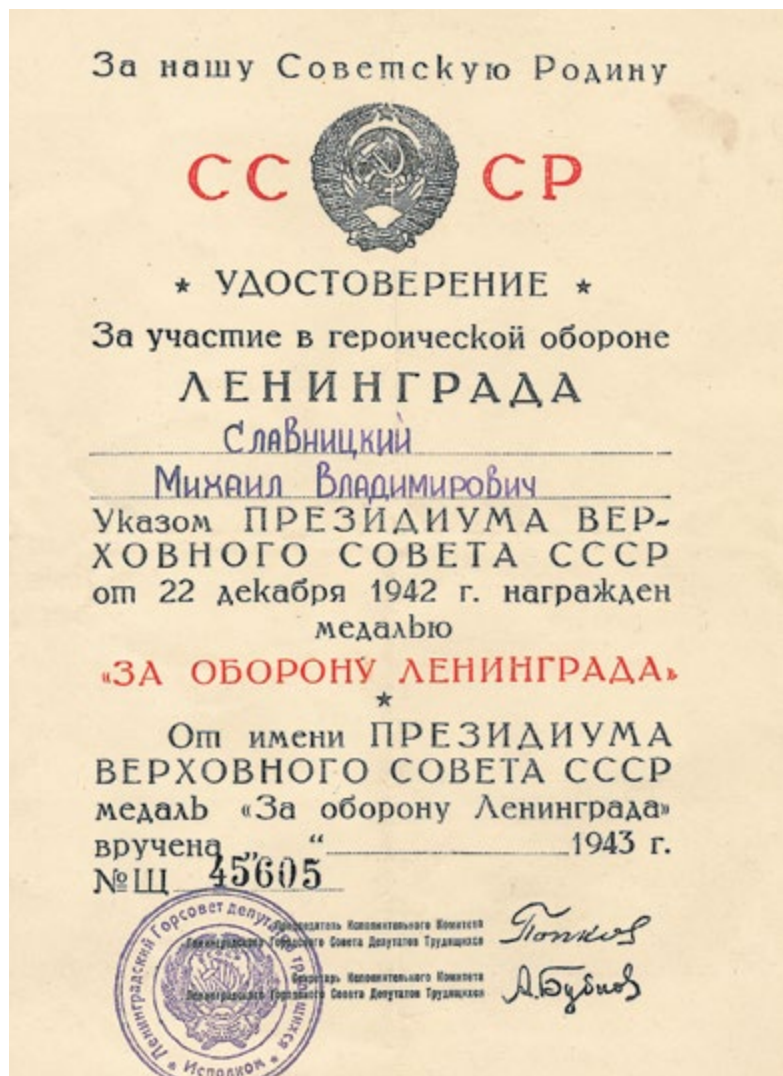
служение в соборе. В ходатайстве прихожан осенью 1943 года о награждении отца Павла Фруктовского медалью «За оборону Ленинграда» говорилось: «...в зиму 1941/42 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора в 15 км, он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе»¹¹.

Подобное героическое служение было характерно и для многих других священников. Так, в 1942–1947 годах настоятелем в Никольской Большеохтинской церкви служил протоиерей Михаил Славнитский († 1985). В феврале 1942 года погиб на фронте его старший сын Сергей, в начале мая того же года на работе в Ленинградском радиокомитете умерла дочь Наташа, похороненная 9 мая на Большеохтинском кладбище. После ее смерти отец Михаил попросил перевести его настоятелем Никольской церкви. Пастырь не отчаялся, он постоянно говорил своим прихожанам, выразившим ему сочувствие: «Все от Бога». Когда однажды немецкая бомба попала в здание, расположенное рядом с Никольской церковью, настоятель помог вывести из разрушенного дома нескольких стариков и детей¹².

Настоятелем Дмитриевской церкви в Коломягах служил протоиерей Иоанн Горемыкин († 1958). Понимая, как нуждаются люди в его поддержке и утешении, отец Иоанн на

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский) и группа священников: протоиерей Михаил Славницкий, протоиерей Владимир Дубровицкий и протоиерей Николай Ломакин — после награждения медалями «За оборону Ленинграда». Ленинград. 15 октября 1943 г.

Удостоверение
к медали
«За оборону
Ленинграда»
протоиерея
Михаила
Славницкого

восьмом десятке лет каждый день пешком добирался с Петроградской стороны, где он жил, в Коломяги. Некоторые прихожане, дожившие до 2000-х годов, помнили, как обессилевшего священника возили в конце блокады к службам на финских санках. Сохранились свидетельства верующих, что он порой последний паек свой отдавал голодающим, а сам, вконец обессилев, совершал богослужение сидя. В некрологе отца Иоанна особенно отмечалось его блокадное служение: «Несмотря на преклонный возраст и истощение, мужественно под обстрелами проходил большие расстояния для служб в церкви. Обходил больных, раненых и малодушных, вселяя бодрость и окрыляя надеждой, — горячей молитвой и упованием на милосердие Божие»¹³.

После прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 года обстрелы и бомбежки храмов продолжались. Представители духовенства

наравне со всеми жителями несли труды по обороне города, так как входили в группы самозащиты местной противовоздушной обороны (МПВО). Например, в справке, выданной 17 октября 1943 года архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось, что он «состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб». Дежурил он и на посту МПВО, который находился на колокольне Князь-Владимирского собора, так как состоял в его причте¹⁴.

Накануне отмечавшейся 25 апреля в 1943 году Пасхи перед Князь-Владимирской церковью в Лисьем Носу состоялось построение созданных на средства верующих на Кировском заводе танков. Их колонна торжественно следовала от храма к храму. Один из очевидцев этих событий В. С. Новиков вспоминал, что о прибытии танков все знали и ждали их. У поселковой церкви собралось очень много народу. Был солнечный день, но у некоторых в руках горели свечи. Когда появились танки, ударил колокол. Танки шли колонной, а мальчишки бежали за ними. У церкви машины выстроились в линию и заглушили моторы. «Кругом все светилось — и новые танки, и небо, и синие купола нашей старой лисьеносовской церкви, и хоругви с образами Георгия Победоносца», — писал Новиков. Настоятель храма отслужил молебен, а после танкисты завели моторы и ушли на фронт¹⁵.

Одиннадцатого октября 1943 года впервые за все годы советской власти 12 ленинградским священнослужителям были вручены правительственные награды — медали «За оборону Ленинграда»¹⁶. В дальнейшем владыка Алексей несколько раз был награжден орденом Трудового Красного Знамени, другими многочисленными знаками отличия, но самой дорогой для себя наградой считал медаль «За оборону Ленинграда». Позднее этой медалью наградили еще нескольких клириков, но отнюдь не всех. Всего же правительственные награды получили 24 ленинградских священнослужителя, в том числе 12 — две медали: «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Полное снятие блокады 27 января 1944 года было встречено в храмах благодарственными

*Священнослужители
Ленинграда,
награжденные
медалями
«За оборону
Ленинграда».
1944 г.*

молебнами. В Серафимовской церкви, несмотря на запрещение в 1930-е годы колокольного звона, колокола уцелели, и в начале войны они были спущены «под спуд» — в глубокие ямы под полом. А через два с половиной года, утром 27 января, услышав о снятии блокады, верующие собрались у храма и в едином порыве сняли перекрытия, раздолбили мерзлую землю, достали и подняли колокола на колокольню. Не спрашивая разрешения властей, в Серафимовской церкви зазвонили в день прорыва блокады ровно в 16 часов. Люди сменяли друг друга, и звон колоколов не умолкал больше суток¹⁷.

Пятнадцатого апреля 1944 года в здании Николо-Богоявленского собора открылась епархиальная канцелярия. В заключительный период блокады богослужения в этом соборе посещал командующий Ленинградским фронтом генерал армии (позднее маршал) Л. А. Говоров. Некоторые военные во время увольнительных даже прислуживали в храме. Писатель Леонид Пантелеев (А. И. Еремеев) в своих воспоминаниях отмечал: «В 1944 году в Ленинграде в нижнем храме Никольского Морского собора я своими глазами видел, как за всюнощной человек двадцать-тридцать солдат и офицеров стояли в строю двумя шеренгами и молились.

По окончании службы, когда старик-священник вышел с крестом в руке на амвон и молящиеся, как всегда, хлынули прикладываться, седовласый батюшка отвел в сторону крест и громко сказал: "В первую очередь военные!" И вот — капитаны, лейтенанты, ефрейторы и рядовые — в серых непарадных фронтовых шинелях, прижимая к левой стороне груди свои полевые фуражки и ушанки, — двинулись к амвону. И каждому, когда он целовал крест, батюшка истово, по-отцовски, по-дедовски говорил: "Храни тебя Господь!"...»¹⁸

Следует упомянуть, что в 1942–1944 годах Свято-Троицкий иосифлянский и все обновленческие храмы города перешли в юрисдикцию Московского Патриархата. После окончательного снятия блокады в январе 1944 года патриотические взносы верующих продолжались. Общая сумма собранных средств духовенства и мирян Ленинградской епархии за июль 1941 — июнь 1945 года составила 17 млн 423,1 тыс. рублей, в том числе 16 млн 274,5 тыс. собрали жители города на Неве¹⁹.

Празднование Пасхи 6 мая 1945 года в Северной столице проходило без всяких ограничений: в первый раз за военный период были разрешены ночные богослужения, крестные ходы,

**Митрополит
Алексий
(Симанский)
в годы блокады
Ленинграда**

организована массовая выпечка куличей и изготовление пасхи, которые свободно продавались в магазинах (несмотря на существовавшие в тот период продовольственные карточки). В информационном сообщении Ленинградского уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви А. И. Кушнарева отмечалось: «Пасхальная заутреня впервые за время войны проходила ночью... В 1945 г. количество присутствующих на пасхальном богослужении значительно увеличилось: если в прошлом, 1944 г. на богослужении во всех церквях Ленинграда было до 35 000 чел., то в этом году количество

присутствующих доходило до 90 000 человек. Помещения соборов и церквей не вмещали всех желающих, и вокруг церквей образовывались большие толпы народу...»²⁰

Обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем в большинстве других районов страны. В сознании людей происходили глубокие сдвиги. На борьбу их подвигала не только тревога за судьбу Матери-Родины, но и сознание того, что угроза нависла над их православным Отечеством. Кроме того, в религиозном сознании как бы воочию переживался апокалипсис. Служение духовенства в блокадном Ленинграде стало гражданским подвигом. Многие священники умерли от голода, однако все храмы продолжали действовать, даря верующим утешение и надежду. То, что голодные, обессиленные люди все же заполняли храмы, говорит о том, что православная вера и в тот трагический период являлась жизненно необходимой частью народной жизни, была тем источником, откуда черпали силы многие защитники и жители блокадного города.

Необходимо и дальше изучать церковную жизнь осажденного нацистами города святого апостола Петра, осветить жизнь и деятельность людей, память о которых нужно сохранить, отразить подвиг служения блокадного священства, оказание им духовной помощи мирянам и показать повседневную жизнь приходов Северной столицы в годы Великой Отечественной войны.

М. В. ШКАРОВСКИЙ,
главный архивист Центрального государственного
архива Санкт-Петербурга, профессор Санкт-
Петербургской духовной академии, д. и. н.

¹ Возникшее в 1927 году так называемое движение «непоминающих» (гражданской власти и митрополита Сергия). Всего первоначально насчитывалось более 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Однако большинство из них не было связано между собой. Центральное место занимала наиболее сильная и сплоченная, имевшая свою иерархию иосифлянская группа, получившая название по имени руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых).

² Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церковных документов. М., 1943. С. 54.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Л. 154; Ф. 9324. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2, 53.

⁴ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 317.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 62.

⁶ Там же. Д. 80. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 209. Л. 156.

⁸ Там же. Л. 157, 203; Д. 62. Л. 80.

⁹ Там же. Д. 62. Л. 21–22.

¹⁰ Во имя Преображения Господня. Собор воинской славы России. СПб., 2015. С. 40.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 67. Л. 132.

¹² Князев М. Служение любви // Блокадный храм. 2016. № 2. С. 3, 109.

¹³ Архив Санкт-Петербургской епархии (АСПбЕ). Ф. 1. Оп. 2. Личное дело прот. И. Горемыкина.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Л. 243.

¹⁵ Аграфинин А. Во время блокады ленинградцы освящали кусочки хлеба вместо пасхальных куличей // URL=<https://www.spb.kp.ru/daily/26737/3764942/> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁶ Ленинградская правда. 1943. 17 октября.

¹⁷ Из собрания Блокадного храма Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте; Мацукевич А. Серафимовский Санкт-Петербург // Православный паломник. 2003. № 3 (10). С. 41.

¹⁸ Богданов И. А. Ленинградская блокада от А до Я. СПб., 2010. С. 284–285.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 22. Л. 10, 22, 24.

²⁰ Там же. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 6. Л. 24–29.